

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (34), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-238-268>

<https://elibrary.ru/LWAHRF>

© 2026. Людмила Сараскина

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Объявления о выпуске журналов как художественные высказывания. «А я понимаю, что значит первый шаг, и люблю его»

© 2026. *Liudmila I. Saraskina*

State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Journal Announcements as Artistic Statements: “I Understand What the First Step Means and Love It”

Информация об авторе: Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена редакционным объявлениям, сообщаящим о выпуске журналов, как особому жанру малой формы, которым пользовался Ф.М. Достоевский с самого начала его творческого пути. Приводятся образцы таких «Объявлений» — «Всякая всячина», журнал Екатерины II, «Современник» А.С. Пушкина и др. Первым опытом Достоевского стало написанное им в 1845 году весьма искусное объявление о предстоящем выходе юмористического альманаха «Зубоскал» (литературный проект Н.А. Некрасова). Разъясняя цели, задачи и программу альманаха, Достоевский взломал привычный образец объявления и широко раздвинул рамки традиционного жанра, в результате чего получилось не техническое (служебное) «Объявление», а нечто совершенно другое — внезапно начинал жить своей жизнью воображаемый художественный персонаж: *человек-альманах*.

Второй опыт создания «Объявления» в нарушение канона случился пятнадцать лет спустя после «Зубоскала», когда перед Достоевским, вернувшимся в литературу после десятилетнего перерыва на каторгу и ссылку, встала задача *высказаться* – то есть сказать новое слово, заявить о своем пути в литературе. «Объявление о подписке на журнал “Время”» (1860) и стало новым опытом, в целом противоположным опыту «Зубоскала»: автор более не намеревался «зубоскалить» — *острить и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за всё*. Прежним оставался только прием раздвигания границ жанра, но не содержание, не настроение, не цель высказывания.

«Объявление о подписке на журнал “Время”» создавалось как пламенный литературный манифест, как воззвание, как проповедь — оно должно было стать *таким* словом, которое произносится с высокой трибуны, громко, принародно. Была поставлена задача объяснить (провозгласить!), как именно журнал «Время» и его издатели понимают настоящий момент общественной жизни, каковы его дух и направление.

Ключевые слова: Достоевский, малая форма, редакционные объявления, «Зубоскал», новое слово, журнал «Время», «Объявление о подписке», манифест, «Эпоха», «Гражданин»

Для цитирования: Сараскина Л.И. Объявления о выпуске журналов как художественные высказывания. «А я понимаю, что значит первый шаг, и люблю его» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 238–268. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-238-268>

Information about the author: Liudmila I. Saraskina, DSc in Philology, Leading Researcher, Sector for Artistic Problems of Mass Media, State Institute for Art Studies, Kozitskii Lane, 5, 125009 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-4844-4930>

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract: The paper discusses editorial announcements about the publication of journals as a specific small form genre which Fyodor Dostoevsky used from the very beginning of his literary career. Some examples for such “Announcements” are cited: *Vsyakaya vsyachina* (“All sorts of things”), a journal founded by Catherine II; *Sovremennik* of A.S. Pushkin etc.

Dostoevsky’s first experience in this field was writing a highly sophisticated announcement of the forthcoming publication of the humorous almanac *Zuboskal* (“A Scoffer”), a literary project of N.A. Nekrasov. While explaining the goals, objectives and programme of the almanac, Dostoevsky broke the usual pattern of an announcement and widely expanded the boundaries of the traditional genre. The result was not a technical (official) “Announcement,” but something utterly different: an imaginary fictional character suddenly came to life, *a man-almanac*.

For the second time, writing an “Announcement” that broke the canon took place fifteen years after “Zuboskal,” when Dostoevsky, having come back to literature after ten years of hard labour and exile, faced the task of speaking out—that is of saying a new word and declaring his way in literature. “The announcement about the subscription to the journal *Vremya*” (1860) proved to be a new experience, in contrast to the experience of “Zuboskal”: the author was no longer going to “scoff”—to joke and laugh at everything, to spare no one, to cling to everything. Only the technique

of expanding the genre's boundaries remained, but the contents, the prevailing mood, and the aim of the pronouncement were different.

"The announcement about the subscription to the journal *Vremya*" was written as a fiery literary manifesto, as an appeal, as a sermon—this announcement had to become a word to be proclaimed from a public podium, loudly, publicly. The aim was to explain (to proclaim!) how the journal *Vremya* and its editors understood the current state of public life and what were the spirit and direction of the journal.

Keywords: Dostoevsky, small form, editorial announcements, "Zuboskal" ("A Scoffer"), new word, journal *Vremya*, "Announcement about the subscription," manifesto, *Epokha*, *Grazhdanin*

For citation: Saraskina, L.I. "Journal Announcements as Artistic Statements: 'I Understand What the First Step Means and Love It'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (34), 2026, pp. 238–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-238-268>

Успехи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, — и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве. Сии журналы не суть ли сами красноречивыми доказательствами исполинских успехов нашего просвещения.

А.С. Пушкин. <Об одном любителе отечественной литературы>

[Пушкин, 1936, с. 50]

Трудное счастливое возвращение

Осень 1859 года стала для Ф.М. Достоевского временем ожидания и надежд, поистине пороговым временем. Еще в марте он был уволен от службы по болезни, переживал запрет на въезд в Санкт-Петербургскую и Московскую губернии. В апреле местом жительства ему была определена Тверь, куда вместе с женой и пасынком он направился, выехав в начале июля из Семипалатинска и прибыв к месту 18–19 августа. Двумя годами ранее ему было возвращено потомственное дворянство и право печататься; удерживаемый в Твери, он начал искать возможности скорейшего переезда в столицы.

Способов добиться разрешения на постоянное проживание в Москве или Санкт-Петербурге, где находились издательства и издатели, выходили литературные журналы и бурлила литературная жизнь с кружками, собраниями, различными обществами, было

немного: самый из них действенный — письменные прошения и ходатайства, подкрепленные серьезными рекомендациями.

И Достоевский не сидел сложа руки. За свое недолгое (четыре месяца) чемоданное ожидание переезда он написал и отправил из Твери по нужным адресам множество писем, которые должны были тронуть сердца и души высших чинов сочувствием к страдальцу. Необходимость жизни в столицах он объяснял — пусть с некоторыми эмоциональными преувеличениями — двойко: во-первых, нужда в консультациях столичных докторов по причине тяжелой болезни; во-вторых, литературный труд, который требует личных встреч с издателями, ибо от них зависит его писательская судьба.

Высокие лица Российской империи, к которым Достоевский дерзал обращаться, к счастью, пошли навстречу. Герой Крымской военной кампании инженер-генерал Э.И. Тотлебен, тверской губернатор граф П.Т. Баранов, его двоюродный брат министр двора граф В.А. Адлерберг, начальник Третьего отделения Е. И. В. канцелярии князь В.А. Долгоруков — все они приняли участие в судьбе бывшего каторжника, заслужившего высочайшее прощение. Достоевский послал прошение даже на имя императора Александра II Освободителя: «Я, бывший государственный преступник, осмеливаюсь повергнуть перед великим троном Вашим мою смиренную просьбу. Знаю, что я недостойн благодеяний Вашего императорского величества и последний из тех, которые могут надеяться заслужить Вашу монаршую милость. Но я несчастен, а Вы, государь наш, милосердны беспредельно. Простите меня за письмо мое и не казните Вашим гневом несчастного, нуждающегося в милосердии» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 386].

В конце ноября разрешение на жительство в Петербурге было получено. Но еще не дожидаясь ответа на прошение, 19 ноября Достоевский повторно написал князю В.А. Долгорукову о насущных причинах своей просьбы: «Я литератор, пишу в журналы и тем существую. В настоящее время, не имея ничего в виду, я решился издать выбор из прежних моих сочинений и должен сыскать издателя, то есть покупателя. Сделать же это мне необходимо лично. Действуя заочно, я могу много потерять, как уж случалось со мною не раз. А для меня в настоящем моем положении всякая денежная потеря весьма значительна; ибо в труде моем заключаются все средства к моему существованию» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 390].

Литературные дела Достоевского в этот момент одерживали победы и терпели поражения. Еще летом 1857-го, едва вышел Указ Правительствующего сената о возвращении Ф.М. права печататься, «Отечественные записки» за подписью «М-ий» опубликовали рассказ «Маленький герой». В марте 1859-го в «Русском слове» была напечатана повесть «Дядюшкин сон». Но с повестью «Село Степанчиково и его обитатели», на которую автор возлагал серьезные надежды, возникли неприятности.

Сначала повесть — как якобы слабую и требующую сокращений — возвратил журнал «Русский вестник», потребовав к тому же вернуть и аванс в 500 рублей. М.Н. Катков, редактор «Русского вестника», предложил за «Село Степанчиково» мизерный (унизительный!) гонорар в 50 рублей за лист, в то время как И.С. Тургеневу за «Дворянское гнездо» он платил по 400 рублей. Когда Достоевский дерзнул попросить 100 рублей за лист, Катков просьбу отклонил и повесть отверг. «Я очень хорошо знаю, — в сердцах писал Достоевский брату Михаилу, — что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже, и наконец, я надеюсь написать совсем не хуже. За что же я-то, с моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургенев, у которого 2000 душ, по 400? От бедности я *принужден* торопиться, а писать для денег, следовательно, *непреренно портить*» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 325].

Еще нескладнее получилось с журналом «Современник»: рукопись «Села Степанчикова», переданную М.М. Достоевским Некрасову, тот в конце концов обидно возвратил.

Должна повторить однажды сказанное: «Казалось бы: кому как не “Современнику”, журналу демократического толка (таким он стал к исходу 1859 года), следовало поддержать бывшего каторжника, едва не поплатившегося жизнью за участие в тайном обществе? Кому как не “Современнику” полагалось бы распахнуть двери перед бедствующим писателем, пострадавшим за чтение письма Белинского к Гоголю? Ведь именно такой жест ожидался от Некрасова — но вышло иначе» [Сараскина, 2011, с. 332].

Поэт и мемуарист П.М. Ковалевский вспоминал подробности: «Никогда он [Некрасов] не ошибался в выборе рукописей: “читаться будет!” — скажет и напечатает. Смотришь, читают точно. Ошибся он один раз, зато сильно, нехорошо и нерасчетливо ошибся, с повестью Достоевского “Село Степанчиково”, которая была точно слаба, но

которую тот привез с собой из ссылки и которую редактор “Современника” уже по одному этому обязан был взять.

— Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше, — произнес Некрасов приговор — и ошибся: Достоевский в ответ взял да и написал “Записки из Мертвого дома” и “Преступление и наказание”. Он только делался “весь”. Некрасову на этот раз чутье изменило» [Ковалевский, 1912, с. 276].

Достоевский был уверен, что «Село Степанчиково» — лучшее, что он до сих пор написал; и, к счастью, повесть вскоре начала печататься в ноябрьском номере «Отечественных записок» (автор будто предчувствовал — герой его повести, далекий от литературы полковник Егор Ростанев, говорит, обращаясь к племяннику: «“Отечественные записки”, и превосходное название, Сергей, — не правда ли? так сказать, всё отечество сидит да записывает... Благороднейшая цель! преполезный журнал! и какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижанс! А науки такие, что глаза из лба чуть не выскочат...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 135].

Достоевский читал (поглощал!) «Отечественные записки» с начала 1840-х, смотрел на журнал как на «Нестора русской журналистики» и боевое оружие, сражавшееся на всех литературных фронтах. И теперь А.А. Краевский, редактор «Отечественных записок», заплатил за многострадальную повесть гонорар из расчета 120 рублей за лист, весьма выручив автора, имевшего по приезду из сибирской ссылки всего 20 рублей на руках.

Взгляд «пренаивного» героя повести как будто советовал примериться к отечественным журналам и газетам — не только чтобы в них печататься, но чтобы и самому быть причастным к их изданию. «Какой из иностранных [журналов] — писал Пушкин в 1827 году, — превзойдет их — в глубокомыслии “Вестник Европы”, в учености “Северный архив”, в приятном разнообразии “Московский телеграф” и в прочих достоинствах “Сын отечества”, “Московский вестник”, “Северную пчелу” и другие. В чем, конечно, согласятся почтенные издатели “Вестника Европы”, “Северного архива”, “Московского телеграфа”, “Северной пчелы” и проч.» [Пушкин, 1936, т. 6, с. 50].

Пушкинское доброжелательное и приятное отношение к отечественным журналам было вдохновительно; Достоевский, которому важно было вернуться в литературу после десяти лет вынужденного молчания с новым словом, капитальными мыслями и

большими идеями, вполне мог воспринимать пушкинские слова как обращенные к нему, младшему современнику, лично.

Дерзость и радость «первого шага»

Переезд в столицу на постоянное жительство одарил Достоевского хорошими новостями и яркими литературными впечатлениями. Во-первых, в конце января 1860-го вышло в свет его первое Собрание сочинений в двух томах, включившее многое до сих пор написанное [Достоевский, 1860]¹. Во-вторых, он стал постоянным посетителем кружка А.П. Милюкова при учено-литературном журнале «Светоч» («Свѣточъ» выходил в Санкт-Петербурге в 1860–1862 годах). В-третьих, принял участие в благотворительном спектакле «Ревизор» в пользу Литературного фонда — сыграл роль Почтмейстера Шпекина и имел немалый успех. В-четвертых, с воодушевлением принимал приглашения на литературные вечера. Возвращение в литературу, погружение (к счастью для него, недолгое!) в «литературную карусель», жажда окунуться в гущу событий стала для Достоевского желанной прелюдией к большим литературным делам.

Еще в Семипалатинске Ф.М. Достоевский получал письма от брата Михаила, где тот делился своими издательскими планами — и речь сначала шла о еженедельном журнале — политическом и литературном обозрении. «Твоя газета (Достоевский называл еженедельный журнал «газетой». — Л.С.), о которой ты мне писал, вещь премилая. У меня давно уже вертелась в голове мысль о подобном издании, но только чисто литературной газеты. Главное: литературный фельетон, разборы журналов, разборы хорошего и ошибок, вражда к *кумовству*, так теперь распространившемуся, больше энергии, жару, остроумия, стойкости — вот чего теперь надо! Я потому так горячо говорю это, что у меня записано и набросано несколько литературных статей в этом роде: наприм<ер>, о *современных поэтах*, о *статистическом направлении литературы*, о бесполезности

¹ См. содержание двухтомника: Т. I: «Бедные люди»; «Нечотка Незванова»; «Белые ночи: sentimentalный роман (из воспоминаний мечтателя)»; «Честный вор: из записок неизвестного»; «Ёлка и свадьба: из записок неизвестного»; «Чужая жена и муж под кроватью (проншествие необыкновенное)»; «Маленький герой: из неизвестных мемуаров»; Т. II: «Дядюшкин сон. (Из Мордасовских летописей)»; «Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного».

направлений в искусстве, — статьи, которые писаны задорно и даже остро, а главное, легко. Но только вот что: неужели ты будешь издавать газету? Ведь это дело нелегкое при фабрике-то? Смотри, брат» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 316].

Важно подчеркнуть, что Достоевский еще в ссылке тоже подумывал о подобном издании («давно уже вертелась мысль»). Эта мысль не оставит его и позже — ее след обнаружится в несохранившемся письме Достоевского из Твери к А.Н. Плещееву, отправленному в конце октября 1959-го, на которое Плещеев отвечал: «Вы говорите, что будете с братом издавать газету. Это дело; но если вы теперь не пустите программу и начнете газету после января, это будет величайший промах» [Литературный архив, 1961, т. 6, с. 262].

Однако замысел еженедельника («газеты»), по всей видимости, не слишком увлекал Достоевского. Авторы примечаний к истории создания братьями Достоевскими журнала «Время», утверждали: «Первоначальному скромному проекту “газеты” (т. е. еженедельника), Ф.М. Достоевский противопоставлял замысел журнала, способного конкурировать с “Отечественными записками” и “Современником”» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 204]. «Я уверен, например, — писал Достоевский брату в ноябре 1859-го из Твери, — что у нас с тобой гораздо больше и ловкости и способностей и знания дела (sic), чем у Краевского и Некрасова. Ведь это мужичье в литературе. А между прочим, они богатеют, а мы сидим на мели. <...> Нет, брат, надо подумать, да еще и серьезно; надо рискнуть и взяться за какое-нибудь литературное предприятие, — журнал например... Впрочем, об этом подумаем и поговорим вместе. Дело еще не ушло» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 376].

В Петербурге замысел еженедельника («газеты») окончательно уступил место решению издавать ежемесячный журнал. «Хочется нам что-нибудь сделать порядочное в литературе, какое-нибудь предприятие. Сильно мы заняты этим. Может быть, и удастся. По крайней мере, все эти задачи — деятельность, хотя только 1-й шаг. А я понимаю, что значит первый шаг, и люблю его. Это лучше скачков» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₂, с. 10], — признавался Достоевский 3 мая 1860 года актрисе А.И. Шуберт, жене Степана Яновского.

«Предприятием» окажется задуманный братьями Достоевскими литературно-политический журнал, наподобие «Отечественных

записок»; при журнале планировалось иметь свой редакционный кружок.

П.М. Ковалевский, упрекавший Некрасова в «нехорошей ошибке» относительно «Села Степанчикова», связывал намерение Достоевского издавать журнал как раз с той самой ошибкой. «В судьбе Достоевского, разбитого каторгой, больного падучей болезнью, озлобленного, щекотливого и обидчивого, отсюда пошел поворот, надевший на весь остаток его жизни кандалы нужды и срочного труда... А он только что избавился от других кандалов. — Если так, решил он, — я заведу свой собственный журнал...» [Ковалевский, 1912, с. 277].

Но дело было не только и не столько в обиде на Некрасова, которого «торгашество обуяло» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 346]². Выгоды иметь «свой» журнал (при том что Ф.М., остававшийся после освобождения из ссылки под секретным надзором, официально не имел права именоваться редактором и издателем), были тем не менее очевидны: ведь он мог неофициально, без ущерба для самолюбия, иметь дело с первыми лицами литературы, приглашая их быть «у него» авторами. И сам он, Достоевский, имея «свой» журнал, может сколь угодно часто публиковать свои вещи, независимо от чужих вкусов и настроений.

Это был бы свой причал, родной дом — желанная, благословенная свобода. Он верил в «великость» *литературного дела и делания* и рвался в журналистику, добиваясь открытой трибуны и прямой, без посредников, связи с читателем. Таков был упоительный момент жизни Достоевского, когда он почти не чувствовал различий между журналистикой и художественной работой и не мог смотреть на статью для журнала как на второстепенную, неглавную работу.

Н.Н. Страхов, сотрудничавший с писателем с 1861 года, утверждал: «Федор Михайлович любил журналистику и охотно служил ей, разумеется ясно сознавая, что он делает и в чем отступает от строгой формы мысли и искусства. Он с молодости был воспитан на

² См.: «Некрасов — чуткое животное, — негодовал Достоевский. — Узнав историю с “Вестником” и зная, что я, приехав из Сибири, истратился, нуждаюсь, — как не предложить такому пролетарию сбавку цены? Непременно согласится! — думают они. Он <...>, зная наверно, что я в ожидании и уверенности денег загрягну в нужде еще более и соглашусь, наверно на всё, что мне ни дадут, — были бы хоть какие-нибудь деньги! <...> Современники нарочно не поддерживают меня, именно чтоб я и вперед брал не много. Подлецы!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 346–347].

журналистике и остался ей верен до конца. Он вполне и без разделения примыкал к той литературе, которая кипела вокруг него, не становился никогда в стороне от нее. Обыкновенное его чтение были русские журналы и газеты. Его внимание было постоянно устремлено на его собратий по части изящной словесности, на всякие критические отзывы и об нем самом и об других. Он очень дорожил всяким успехом, всякою похвалою, и очень огорчался нападками и бранью. Тут были его главные умственные интересы, да тут же были и его вещественные интересы» [Страхов, 1883, с. 218–219].

Начало 1860-х для многих пишущих людей, чутких к общественным переменам, было временем больших надежд и больших иллюзий. По слову идеолога революционного народничества П.Н. Ткачева, начавшего свою литературную деятельность как раз в журнале «Время» (1862, № 6), «каждый живой человек восчувствовал непреодолимую потребность, *как можно скорее* “высказаться”, как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души в тяжелые, бесконечные дни его “*обязательного молчания*”» [Ткачев, 1940, с. 223].

Градус общественных ожиданий был осознан автором-дебютантом «Времени» поразительно точно. «Каждый хотел сказать *свое* слово, внести свою лепту в общую сокровищницу общественного сознания. Все заговорили разом, заговорили даже немые и косноязычные. Все сгорали желанием поскорее *опростаться* от накопившихся и наболевших в глубине души мыслей, вопросов, сомнений... Журналы плодились, писатели размножались, как грибы после дождика. В читателях тоже не было недостатка. *Спрос* на умственную пищу, на литературный труд возрастал не по дням, а по часам, и едва мог удовлетвориться *предложением*, несмотря на то, что литературный рынок завален был товарами, стекавшимися к нему со всех концов, со всех углов и захолустьев нашего обширного отечества. Литература стала какою-то насущною потребностью всякого мыслящего человека; она приковала к себе все его внимание и поглощала все его интересы. Поистине, это был *медовый месяц* нашей журналистики» [Ткачев, 1940, с. 224].

С такой же непреодолимой потребностью, с такой же страстью, а еще и с волнующим, почти лихорадочным ощущением «тайны первого шага» устремился Достоевский к реальной возможности публично высказаться — «свое слово», «своя лепта» смогли вскоре воплотиться в программном «Объявлении о подписке на журнал

“Время” на 1861 год» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 35, 229]. Текст публиковался с подписью «Редактор М. Достоевский», но написан был «Ф. Достоевским» и напечатан в сентябре 1860 года в главных столичных газетах.

Редакционные «Объявления» как особый жанр

Вообще-то «Объявления» (редакционные оповещения о подписке на газету или журнал, анонсы новых изданий и т. п.) обычно представляли собой короткий, лаконичный, почти что технический текст с набором самых необходимых сведений: название, направление, ракурсы, рубрики, авторы, периодичность, распространение, цена экземпляра, адреса магазинов и т. п.

Так, «Всякая всячина», первый русский сатирический журнал, стартовавший 1 января 1769 года (издателем которого негласно была императрица Екатерина II; помогал ей статс-секретарь Г.В. Козицкий), взяла курс на просвещенный абсолютизм и должна была способствовать формированию общественного мнения в России. В «улыбательной», дружеской манере журнал намеревался говорить о нравах, осуждать корысть, суеверия, страсть к слухам, зависть, невоспитанность, слепое следование моде, дурные привычки. Обличая пороки, журнал не затрагивал отдельных лиц и конкретные недостатки государственного и социального строя России³.

Альтернативные «Всякой всячине» журналы отвергали манеру хвалить хорошее и лишь изредка говорить о плохом — напротив, настаивали на своем праве обличать и высмеивать. Хорошо известная полемика между «Всякой всячиной» и журналом «Трутень» Н.И. Новикова обошлась ему слишком дорого...

Журналы XIX столетия — «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Современник» и др. — составляли свои «Объявления» в задиристом тоне, с критикой конкурентов и упреками в нечестных приемах погони за читателями.

И был хорошо известен пушкинский лаконичный образец жанра «Объявлений» — «Программа “Современника”, представленная в С.-Петербургский Цензурный комитет».

³ Об издательской судьбе «Всякой всячины» и ее журнальных оппонентах, о полемике «Всякой всячины» и журнала Н.И. Новикова «Трутень» см., напр.: [Западов, 1979]; [Минасян, 2016].

Записка малой (даже сверхмалой, всего 62 слова) формы, поданная Пушкиным, 10 марта 1836 года была рассмотрена в указанном ведомстве.

«Журнал под названием „Современник“ выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого рода, повести, статьи о нравах и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец, статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс, с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин» [Пушкин, 1936, т. 6, с. 472].

Программа пушкинского «Современника» предоставляла обязательный минимум сведений, необходимых для характеристики издания: название, предназначение, периодичность, жанровое и языковое разнообразие, содержание. Словосочетания «в самом общем виде»; «всякого рода» и «вообще наук и искусств» избавляли заявителя от излишней конкретизации, слово «замечательных» давало гарантию качества рецензируемых книг. Указывалась цена, предлагалась услуга по пересылке единицы журнала, включенная в стоимость подписки. В целом — это был образец точности, лаконичности, предусмотрительности.

Но уже в третьем номере «Современника» за 1836 год Пушкин счел необходимым выступить с редакционными замечаниями.

«Издатель „Современника“ не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что два слова: *литературный журнал* — уже заключают в себе достаточное объяснение.

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них объявил, что „Современник“ будет иметь целию — уронить „Библиотеку для чтения“, издаваемую г. Смирдиным; в „Северной же пчеле“ сказано, что „Современник“ будет продолжением „Литературной газеты“, издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель „Современника“ принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что он никогда им того не поручал <...>.

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала; вкравлись некоторые

ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения: публике дано обещание, которое издатель ни в каком случае не может и не намерен исполнить — сказано было в примечании к статье: “Новые книги”, что книги, означенные звездочкою, будут со временем разобраны. В списке вновь вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными или которые намерен он был прочитать; но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел» [Пушкин, 1978, с. 358–359].

Окажется, что публиковать Программу журнала было все же необходимо, и Пушкин на ходу исправил свою ошибку; сверхмалая Записка была недостаточна, и издателю пришлось подробнее объясняться с читателями и подписчиками.

Несомненно, эти издательские тонкости были учтены продолжателями журнала «Современник» после Пушкина.

В «Объявлении редакции “Современника” 1846–1847 гг.» говорилось:

«“Современник”, основанный А.С. Пушкиным, а впоследствии с высочайшего соизволения перешедший в распоряжение П.А. Плетнева, с 1847 года подвергается совершенному преобразованию. Редакция “Современника”, с разрешения господина министра народного просвещения, переходит к профессору СПб. университета А.В. Никитенко.

Издание же сего журнала, по взаимному согласию и условию с прежним издателем и редактором, приняли на себя И.И. Панаев и Н.А. Некрасов.

Заготовив предварительно значительное количество материалов и получив согласие на участие в “Современнике” многих известных русских ученых и литераторов, редактор и издатели в то же время нашли нужным значительно увеличить объем журнала.

“Современник” с 1847 года будет издаваться ежемесячно книжками от 20 до 25 печатных листов в большую осьмушку. Таким образом, годовое издание “Современника” будет заключать в себе от 250 до 300 печатных листов. Книжки будут выходить аккуратно 1-го числа каждого месяца и печататься на хорошей бумаге в одной из лучших петербургских типографий.

В “Современнике” с 1847 года будут участвовать следующие ученые и литераторы <...>» [«Объявления редакции “Современника”», 1846–1847].

Далее в алфавитном порядке следовал список авторов из 33 имен, начиная с В.Г. Белинского и заканчивая И.С. Тургеневым. Среди авторов нового «Современника» был назван и Ф.М. Достоевский.

Но когда спустя тринадцать лет Ф.М. сам окажется в роли издателя-дебютанта, пусть неофициального, подобное «Объявление» в качестве образца ему не пригодится — в нем ему будет и тесно, и узко, и неподвижно.

Страсти по «Зубоскалу»: «Смеяться над всем!»

Ведь еще в 1845-м, в пору своих головокружительно счастливых отношений с Н.А. Некрасовым и В.Г. Белинским, провозгласившими автора «Бедных людей» «новым Гоголем», Достоевский написал для юмористического альманаха «Зубоскал» (литературный проект Некрасова) свое первое «Объявление» — и оно тут же было опубликовано в «Отечественных записках» «в Разных известиях», то есть в журнальной рубрике «Разное» (1845, № 11). «На днях я был без гроша, — увлеченно рассказывал Ф.М. брату Михаилу. — Некрасов между тем затеял “Зубоскала” — прелестный юмористический альманах, к которому объявление написал я. Объявление наделало шуму; ибо это первое явление такой легкости и такого юмору в подобного рода вещах. <...> За него взял я 20 руб. серебром» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 115–116].

Месяцем раньше (8 октября 1845) Достоевский написал брату о замысле «Зубоскала» и о его издателе содержательнее и подробнее: «Некрасов аферист от природы, иначе он не мог бы и существовать, он так с тем и родился — и посему в день же приезда своего, у меня вечером, подал проект *летучему маленькому альманаху*, который будет соиздаться посильно всем литературным народом, но главными его редакторами будем я, Григоров<ич> и Некрасов. Последний берет издержки на свой счет. Альманах будет в 2 печат<ных> листа и выходить будет *один раз* в две недели, 7-го и 21-го каждого месяца. Название его “Зубоскал”; дело в том, чтобы острить и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за театр, за журналы, за общество, за литературу, за происшествия на улицах, за выставку, за газетные

известия, за иностранные известия, словом, за всё, всё это в одном духе и в одном направлении. Начнется он с 7 ноября. Составился он у нас великолепно» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 113–114].

Далее шел перечень статей и материалов, уже приготовленных для альманаха, а также обещанных ему (Некрасов, Эжен Сю, Шевырев, Кукольник, Григорович и др.).

«Я буду писать “Записки лакея о своем барине” и т. д.» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 114], — сообщал Ф.М. брату и о своем замысле.

Что же это было за «объявление, наделавшее шуму»?

Во-первых, оно напрямую обращалось к «господам благовоспитанным читателям» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 5].

Во-вторых, предпринималась попытка выяснить самый важный вопрос — над кем, над чем, как и зачем можно и нужно смеяться.

В-третьих: в качестве образцов насмешки «над всем» Достоевский привел образец анекдота — «Пушкин и ящерицы»: «Лекция Шевырева о том, как гармоничен стих Пушкина, до того, что когда он был в *колизее* и прочел двум дамам, с ним бывшим, несколько стансов из *Пушкина*, то все *лягушки и ящерицы, бывшие в колизее, сползли с его слушать*. (Шевырев читал это в Московском университете)» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 114, 428].

В-четвертых, планировалось «смехом без пощады» больно задеть (зацепить) и славянофилов: «Потом последнее заседание *славянофилов*, где торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрешения такого великого социального вопроса для благоденствия и пользы всей русской нации» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 114, 428].

В-пятых, разъяснялось название альманаха — почему «Зубоскал»? кто такой «Зубоскал»? зачем нужен «Зубоскал»?

В-шестых, назывался эпиграф издания. «Эпиграфом берутся знаменитые слова *Булгарина* из фельетона “Северной пчелы”, что “мы готовы умереть за правду, не можем без правды” и т. д., и подписет Фаддей Булгарин» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₁, с. 113, 428].

Пускаясь в пространные объяснения, что есть «Зубоскал», Достоевский неожиданно и «без предупреждения» **взламывал образцы «объявлений»** (как опытный книгочей, он их видел во множестве разных изданий) и широко раздвигал рамки традиционного жанра. И получалось у него уже не техническое (служебное)

«Объявление», а нечто совершенно другое: **внезапно начинал жить своей жизнью воображаемый художественный персонаж: человек-альманах.**

«Да и как не полюбить его, господи! *Зубоскал* — малый редкий в своем роде, единственный, — малый добрый, простой, незатейливый и, главное, с весьма небольшими претензиями. Ради этого одного обстоятельства, что он человек без претензий, ради этого одного он уже достоин всякого уважения. <...> Представьте себе человека еще молодого, подбирающегося, впрочем, к средним годам, веселого, бойкого, радостного, шумливого, игривого, крикливого, беззаботного, краснощекого, кругленького, сытненького, так что при взгляде на него рождается аппетит, лицо улыбкою расширяется, и даже самый солидный человек, очерствелый на службе человек, прошедший, например, целое утро в канцелярии, проголодавшийся, желчный, рассерженный, осипший, охрипший, и тот, спеша на свой семейный обед, и тот, при взгляде на нашего героя, просветлеет душою и сознается, что можно весело этак на свете пожить и что свет не без радостей» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 6].

Достоевский с веселым азартом придумывает «внезапному» персонажу завидную биографию: москвич, университетское образование получил в Петербурге, недолго увлекался наукой и искусством, после — и тоже ненадолго — засел в канцелярию и... как-то неожиданно разбогател. Праздношатающийся фланёр (фр. *flâneur*, «гуляющий»), «заложив руки в карманы, ходит посвистывая и живет (извините, господи!) для себя самого», проныра, неутомимый наблюдатель всего что ни есть любопытного (театры, балы, клубы, выставки, аукционы, литературные собрания, Невский проспект и глухие закоулки Петербурга), завел обычай везде являться с блокнотом, производить заметки, наблюдения, признания [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 7].

«Он не брезгает ничем. Он везде с своим карандашом и лорнетом и тоненьким, сытненьким смехом. (Незаметно для читательского глаза проныра с блокнотом и карандашом волшебным образом превращается в альманах с известным направлением и характером. — Л.С.). А вот и еще одно достоинство “Зубоскала”: первое дело и главнейшее дело у него — правда. Правда прежде всего. “Зубоскал” будет отголоском правды, трубою правды, будет стоять день и ночь за правду, будет ее оплотом, хранителем, и особенно теперь, когда, с недавнего времени, правда ему страх как понравилась. Впрочем,

он иногда и приврет; отчего же не приврать? Он и приврет иногда — но только умеренно» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 8].

Правда пополам с враньем? Пропорция правды и вранья изменчива и в каждом случае другая? Какими могли быть перспективы у такого издания? Кажется, очень небольшие — не столько из-за вранья, сколько из-за правды.

Наконец, «Объявление» вспомнило, что необходимо сообщить и «служебные» сведения: содержание первого номера, жанры заготовленных произведений, количество и сюжеты иллюстраций, цена номера, адреса книжных магазинов, где альманах будет продаваться.

«В конце объявления, — замечает современный исследователь, — Достоевский “по-гоголевски” вводит тему денег — с помощью долгих конфузливых оговорок и заминок, многочисленных многоточий и риторических вопросов. В целом “Зубоскал” действительно производит впечатление произведения, написанного “на одном дыхании”, — это энергичное и задорное объявление, которое не могло не вызвать настороженного отношения цензоров к планируемому изданию» [Загидуллина, 2008, с. 213–214].

Усилия Достоевского, составившего «нашумевшее» «Объявление», не помогли альманаху — скорее, напротив: «Зубоскал» был запрещен цензурой, «по обстоятельствам, не зависящим от редакции» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 214].

Д.В. Григорович вспоминал, что Некрасов привлек его к участию в «Зубоскале» на роль одного из редакторов, и он, Григорович, написал предисловие, подготовил заглавную виньетку, но альманах был запрещен до появления первого выпуска. «Одна неосторожная фраза в объявлении: “«Зубоскал» будет смеяться над всем, что достойно смеха”, — послужила поводом к остановке издания. Но Некрасов был человек упорный, настойчивый; запрещение “Зубоскала” не охладило его издательскую деятельность. Вскоре придумал он новую книжку: “Первое апреля”. Я снова написал к ней предисловие и небольшой рассказ “Штука полотна”» [Григорович, 1961, с. 81–82].

Григорович безошибочно уловил дух альманаха, каким его предполагал делать Некрасов и каким этот замысел воспринял Достоевский: *осматривать и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за всё* (этих слов не было в тексте «Объявления», но они стояли в выше процитированном письме Достоевского к брату и были угаданы Григоровичем).

Но, быть может, цензура насторожилась, усмотрев в громогласных и напористых обязательствах «Объявления» говорить «правду и одну только правду» скрытую опасность? И не захотела заметить, что эта т. н. правда будет преподноситься с «маленьким привкусом вранья»? Предположила, что Некрасов хочет протащить в печать обличительное издание?

Факт тот, что в 1845-м «цепляться за всё и не щадить никого» у Некрасова и Достоевского не получилось.

Пятнадцать лет спустя: «первый шаг» для второго «Объявления»

«Зубоскал» явился первым программным «Объявлением», которое сочинил Достоевский, необычайно расширив полномочия объявителя и раздвинув рамки, казалось бы, стандартного сочинения малого жанра.

«Объявление» о подписке на журнал «Время» стало вторым опытом писателя. И с первых же строк стало понятно, что автор снова не собирается придерживаться ни рамок, ни стандартов.

Но он совсем не планировал повторяться — то есть *острить и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за всё*. Теперь, пятнадцать лет спустя, ему больше не хотелось «зубоскалить», и он не допускал мысли, что снова заговорит метафорами, и «сметафорит так, что будет совершенно похоже на правду» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 8]. Прежним оставался только прием раздвигания границ жанра, но не содержание, не настроение, не цель высказывания. И уж конечно, не будет во втором «Объявлении» анекдотов на тему «Пушкин и ящерицы», как не будет и славянофильских «открытий» вроде «Адам — славянин и жил в России».

Второе «Объявление» создавалось как пламенный литературный манифест, даже, может быть, как воззвание или проповедь — оно должно было стать *таким* словом, которое произносится с высокой трибуны, громко, принародно.

«Прежде чем мы приступим к объяснению, почему именно мы считаем нужным основать новый публичный орган в нашей литературе, скажем несколько слов о том, **как мы понимаем наше время и именно настоящий момент нашей общественной жизни**. Это послужит и к уяснению духа и направления нашего журнала» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 35].

В «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» Н.Н. Страхов скажет: «Это объявление заслуживает величайшего внимания. Без сомнения, оно было старательно обдуманно и обработано Федором Михайловичем и, очевидно, оно содержит некоторые мысли и стремления, характеризующие всю его дальнейшую деятельность» [Страхов, 1883, с. 194].

Но это было не только изложение «некоторых мыслей и стремлений», пусть даже самых важных для автора — это был еще и текст высокого напряжения, переходящий в иных местах в ритмическую прозу.

«Теперь уже не тысячи, а многие миллионы русских войдут в русскую жизнь, внесут в нее свои свежие непочатые силы и скажут свое новое слово. Не вражда сословий, победителей и побежденных, как везде в Европе, должна лечь в основание развития будущих начал нашей жизни. Мы не Европа, и у нас не будет и не должно быть победителей и побежденных» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 35–36].

Автор научной монографии о журнале братьев М.М. и Ф.М. Достоевских «Время», В.И. Нечаева, писала: «Не оспаривая принадлежности “Объявления” Ф.М. Достоевскому, укажем только, что до его появления нам не известно ни одно его высказывание с идеями о народности и национальности в духе “Объявления”, хотя в письмах из Сибири он несколько раз свидетельствовал о своих мыслях в этом направлении — “патриотическая” статья о России и т. п.» [Нечаева, 1972, с. 40].

Не стану останавливаться на значении кавычек при слове «патриотическая» — они могут говорить как о жанре статьи, так об отношении к ее содержанию.

Тем не менее Достоевский писал о реформах Петра Великого, о колоссальной цене, которую народ за них заплатил, как раз с откровенно *патриотических* позиций. Автор «Объявления» преклонялся перед русским народом, оставшимся один на один с реформами, которых не понимал, чуждался и ощущал, что они ему не впору, не по его мерке. И все же: народ, разойдясь с реформами, оставшийся «без вожатаев на одни свои силы», «не пал духом. Он неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял ее с чрезвычайными, судорожными усилиями, потому что был один и ему было трудно. Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распадался на таинственные уродливые

секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. Невозможно было более отшатнуться от старого берега, невозможно было смелее жечь свои корабли, как это сделал наш народ при выходе на эти новые дороги, которые он сам себе с таким мучением отыскивал» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 36].

Несколько раз, настойчиво, Достоевский фиксирует в «Объявлении» мысль, может быть, обидную, но предельно честную: «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами. Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, — точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 36].

Это было предельно искреннее обращение писателя к своим будущим читателям в связи с фактами исключительной важности, как он их понимал: русские не могут быть европейцами и не могут втиснуть себя в одну из западных форм жизни. «Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 36].

Кто бы мог ожидать, что в «Объявлении» об издании еще одного, на сторонний взгляд, рядового литературного журнала, автор уйдет столь далеко от служебной миссии программного текста? Кто бы мог вообразить, что он, автор, во-первых, «с благоговением» предугадает общечеловеческий характер будущей деятельности народа и, во-вторых, сформулирует основополагающую идею народной жизни — *русскую идею*?!

Она, *русская идея*, «может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, всё враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

Спустя двадцать лет, в легендарной «Пушкинской речи», Достоевский фактически повторит выработанную для «Объявления» формулу. В.А. Туниманов, составитель примечаний к тексту «Объяв-

ления», комментируя мысль «русской идеи», справедливо заметит: «Эта мысль, впервые сформулированная в “Объявлении”, будет многократно развиваться в художественных произведениях и публицистике, вплоть до Пушкинской речи» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 232].

Ф.М. Достоевский жаждал примирения, жаждал признания Европой прав русских на самобытность и отдельность. Он опровергал мнения иностранцев, будто русский народ — это люди без отечества; он утверждал, что «способность отрешиться на время от почвы, чтоб трезвее и беспристрастнее взглянуть на себя, есть уже сама по себе признак величайшей особенности; способность же примирительного взгляда на чужое есть высочайший и благороднейший дар природы, который дается очень немногим национальностям» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

Горячее желание автора «Объявления» откровенно высказаться о наболевшем и достучаться до читателей воплотилось в патетический слог, движимый высокой страстью. «Недаром же мы говорили на всех языках, понимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых. Недаром заявили мы такую силу в самоосуждении, удивлявшем всех иностранцев» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

Он настойчиво призывал к скорейшему воссоединению цивилизации с народным началом. «Соединение во что бы то ни стало, несмотря ни на какие жертвования, и возможно скорейшее, — вот наша передовая мысль, вот девиз наш» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

В проповеди Достоевского — а первая часть «Объявления» и звучала как проповедь — утверждалось, что нужные шаги к сближению просты и доступны: грамотность и образование. «Распространение образования усиленное, скорейшее и во что бы то ни стало — вот главная задача нашего времени, первый шаг ко всякой деятельности» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 37].

Надежды Достоевского на признание Европой законных прав русских на самобытность, выраженные восторженно, художественно, высоким стилем и слогом, выглядели как романтическая мечта, почти как утопия. Может быть, он и сам это чувствовал — не зря вторая часть «Объявления» резко меняла тональность, стилистику и градус поэтической взволнованности. Голос автора «Объявления»

обретал вполне реалистическую интонацию и яркую критическую направленность.

Он резко осуждал журналистику «за добровольную зависимость, за подначальность литературным авторитетам, за продажность — пусть не за деньги, а за страх прослыть глупцом перед авторитетами. «Золотая посредственность иногда даже бескорыстно трепещет перед мнениями, установленными столпами литературы, особенно если эти мнения смело, дерзко, нахально высказаны» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 38].

Неофициальный редактор нового, еще не вышедшего журнала, навлекал на себя неприязнь, гнев, а может, и ненависть многих, кого задевали обвинения. «Критика пошлеет и мельчает. В иных изданиях совершенно обходят иных писателей, боясь проговориться о них. Спорят для верха в споре, а не для истины. Грошовый скептицизм, вредный своим влиянием на большинство, с успехом прикрывает бездарность и употребляется в дело для привлечения подписчиков. Строгое слово искреннего глубокого убеждения слышится всё реже и реже. (Замечу: первая часть «Объявления» как раз и была таким строгим словом. — Л.С.). Наконец, спекулятивный дух, распространяющийся в литературе, обращает иные периодические издания в дело преимущественно коммерческое, литература же и польза ее отодвигаются на задний план, а иногда о ней и не мыслится» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 38].

Автор «Объявления» обещал, что его журнал будет независим от литературных авторитетов и станет самым смелым обличителем литературных странностей своего времени. Как видим, во второй части «Объявления» не осталось и следа от идеи безусловного примирения.

Два лика издателя — два образа журнала

«Объявление» рискнуло публично обнажить два лика издателя.

Первый — романтик с высокой утопической мечтой о всеобщем примирении и — тоже с утопической — надеждой, что Европа, наконец, примет русских в свои объятия и признает за ними их законное право на самобытность и суверенность. Ради этого он, условный издатель «Времени», и будет трудиться — не покладая рук, не считаясь с препятствиями и кознями противников.

Второй — реалист, испытывавший много страданий и боли, многожды битый, но сознающий силу своего слова, острого как бритва, готовый клеймить и обличать. «Мы не побоимся иногда немного и “пораздразнить” литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 39].

Издатель-реалист обещал: «Оставляя в стороне всякие личности, обходя молчанием всё посредственное, если оно не вредно, “Время” будет следить за всеми сколько-нибудь важными явлениями литературы, останавливать внимание на резко выдающихся фактах, как положительных, так и отрицательных, и без всякой уклончивости обличать бездарность, злонамеренность, ложные увлечения, неуместную гордость и литературный аристократизм — где бы они ни являлись» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 39].

А.Ф. Кони, лично слышавший выступление Ф.М. Достоевского на торжественном открытии в Москве памятника А.С. Пушкину — «Пушкинскую речь», — вспоминал: «Речь Достоевского в чтении не производит и десятой доли того впечатления, которое она вызвала при произнесении» [Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, 2024, с. 55].

Нет свидетельств, что Достоевский когда-либо читал вслух свое «второе» «Объявление», но если все же читал (а читать, скорее всего, он мог только брату Михаилу), то впечатление от услышанного тоже наверняка было бы немалое.

...И вот вышел первый номер журнала «Время». Идя след в след за первым издателем «Современника», А.С. Пушкиным, редакция «Времени»⁴, торопилась объяснить с читателем. «Мы не могли еще в нем (в первом номере журнала. — Л.С.) разъяснить вполне основную мысль нашу. Осветить все ее стороны, оправдать в обществе ее потребность и жизненность можно только целым годом или даже годами издания журнала. Мы веруем только в одно — что наша мысль отзывается на потребности общества» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 115].

Редакция обещала следить за движением всех современных идей и открыть в будущих номерах отдел для разбора и беспристрастной

⁴ По мнению комментаторов Полн. собр. соч.: 30 т., участие Ф.М. Достоевского в составлении заметки «От редакции» было решающим. См.: [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 306].

оценки «всех тех ходячих идей, современных предположений и вопросов, которые появятся в других русских журналах» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 36].

Но то бесподобно горячее чувство, с каким была написана первая часть «Объявления», здесь уже не повторилось — оно осталось в тексте «первого шага», а дважды «первые шаги» не повторяются. Редакция уверяла, что намерена не отказываться от споров и полемики, и видела скандальность «только в умышленном намерении оскорбить личность, в заносчивости авторитетов, в бесстыдной лжи перед публикой, в обличении не для пользы общества, а единственно для личного оскорбления обличаемого» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 116].

Редакция намеревалась подобные действия обличать, не жалея сил.

Эпоха «Времени» и время «Эпохи». «Гражданин»

Все следующие «Объявления» — о подписке на журнал «Время» на 1862-й и на 1863-й годы, об издании нового ежемесячного журнала «Эпоха» — были наполнены объяснениями с благодарными читателями, а также полемикой с недоброжелателями: с рутинными крикунами, доктринерами-теоретиками, кабинетными изучателями западных воззрений, прогрессистами. Серьезные усилия были потрачены на разъяснения, что есть *почва*, что есть *направление*.

Кстати, острые стрелы предназначались не только противникам, но и в свой собственный огород: «Мы и *русскую*-то нашу землю любим как-то условно, по-книжному. Мы приучились наконец к тому, что нам уж ни до чего дела нет. Мы так обленились, что привыкли к тому, чтоб за нас всё другие делали, а нам уж подавали готовое, хоть и нехорошо приготовленное, но готовое. Зато самолюбия, желчи в нас накопилось бездна; немудрено — сидячая жизнь! Справьтесь с медициной. Мы жаждем практики и сердимся лежа за то, что у нас ее нет. Может быть, если б умели любить, то нашли бы себе, пожалуй, и практику <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 148].

Редакция стремилась в конце каждого подписного года подводить итоги года прошедшего — и гордилась, что публика «отозвалась на прошлогоднее объявление наше (то есть на «Объявление»-1861 — Л.С.) и тем укрепила в нас уверенность, что идея, во имя которой мы предприняли наш журнал, — справедлива. Не в похвалу себе

говорим, что поддержка, оказанная нам публикой, была в размерах, давно уже неслыханных в нашей журналистике. <...> Если публика и оказывала нам свое внимание до конца, до последней книжки, выданной нами, то относим это к тому, что она верит в честность и искренность нашей идеи; а это главное, что нам нужно, и веры ее мы не обманем» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 147].

Кроме интонаций разъяснительных, «Объявления» на 1862-й и на 1863-й годы были полны интонаций извиняющихся — за резкость в споре и излишнюю самонадеянность в отстаивания своей позиции. Но на чем редакция (в лице Ф.М.) стояла твердо, так это на отношении к литературе и ее значении. «А ведь теперь литература есть одно из главнейших проявлений русской сознательной жизни. **К нам почти всё привилось извне, всё досталось нам даром, начиная с науки до самых обыденных жизненных форм; литература же досталась нам собственным трудом, выжилась собственной жизнью нашей.** Оттого-то мы и ценим и любим ее. Оттого-то мы и надеемся на нее» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 150].

Однако устранить полемическую «резкость» журналу решительно не удалось. Продолжая отстаивать свое направление, редакция фиксировала, что все нападки на журнал вызваны как раз этим направлением, которое отстаивает идеалы народности — их-то как раз оппоненты и отказывались понимать. Редакция признавалась, что ей издавать журнал труднее, чем кому-нибудь. «Мы вносим новую мысль о полнейшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала. Мы должны говорить патетически, уверять и доказывать. Мы должны выказать идеал наш и выказать в полной ясности» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 209].

Редакция вновь и вновь должна была разъяснять суть своего направления и свое отличие от направления т. н. «обличителей». «Им стоит только обличать, нападать и свистать, чтоб быть всеми понятыми, часто не давая отчета, во имя чего они обличают, нападают и свищут. Боже нас сохрани, чтоб мы теперь свысока говорили об обличителях. Честное, великодушное, смелое обличение мы всегда уважаем, а если обличение основано на глубокой, живой идее, то, конечно, оно нелегко достается. Мы сами обличители; ссылаемся на журнал наш за все это время. Мы хотим только сказать, что обличителю легче найти сочувствие. Даже разномыслящие и не совсем

согласные с обличителем готовы примкнуть к нему ради обличения» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 209].

«Объявления от редакции» журнала «Время» (на 1861, 1862, 1863 годы) и «Объявления» об издании нового ежемесячного журнала «Эпоха» (на 1864 год), рассмотренные в совокупности, являются собой в высшей степени драматическую картину редакторства Ф.М. Достоевского, пусть неофициального, но всегда им желанного, вымечтанного, доставившего ему как много счастья, так и много тягостных разочарований, к тому же чрезвычайно осложненную горестной кончиной старшего брата, М.М. Достоевского. От утопической мечты и великих надежд на ее осуществление ко многим объяснениям с подписчиками и оправданиям перед ними, от проповеди русской идеи к признанию банкротства — таков был первый опыт неформальной издательской деятельности Ф.М. Достоевского.

«При помощи родного брата Михаила Михайловича, — вспоминал П.М. Ковалевский, считавший затею братьев Достоевских с журналами тяжелой ошибкой, — собрал он [Ф.М.] кое-какие средства: взял на себя отдел полемики: напал, отбивался, грызся и грыз; но положил в это дело и свое здоровье и последние средства свои и брата (человека семейного), остался за барьером с долгами, с смертельным недугом, нажитым, в Сибири, развившимся в редакции. Он сердился, а его противники смеялись, — и смех победил. Его журнал “Эпоху” Салтыков прозвал “юбкой”, а членов редакции “стрыжами”; сам Некрасов поместил в “Свистке” несколько смешных куплетов на счет “Сухих туманов” и “Жителей луны”, но целым месяцам населявших книжки журнала» [Ковалевский, 1912, с. 278].

Замечу: П.М. Ковалевский, присуждая «творческую победу» не журналам братьев Достоевских, а смеху над ними критиков, противоречил себе: реплика Некрасова: «Достоевский кончился весь» потерпела поражение в споре о значении журналов, а реплика Ковалевского: «он только делался “весь”» — выиграла. И в самом деле: в журнале «Время» вышли: роман «Униженные и оскорбленные» с посвящением М.М. Достоевскому (1861); «Записки из Мертвого дома» (1862; частично были опубликованы в еженедельной газете «Русский мир» (1860–1861)); «Ряд статей о русской литературе» (1861), «Скверный анекдот» (1862); «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863); «Эпоха» поместила «Записки из подполья» (1864) и рассказ «Крокодил» (1865).

«Мой “Мертвый дом” сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 115], — писал Достоевский четыре года спустя; в большой степени это была и заслуга журнала «Время».

(Позволим себе предположить: был бы у Ф.М. Достоевского на момент создания романа «Бесы» «свой» журнал, иначе могла бы сложиться судьба главы «У Тихона» с исповедью Ставрогина, и была бы эта глава не «усекновенной», а законной «Девятой главой» романа.)

...Пройдет время, будет написан и опубликован роман «Бесы», и Достоевский снова затоскует по слову на злобу дня, по публицистике «от первого лица». Приняв на себя редакторство журнала «Гражданин», Достоевский воздержится от пространных объявлений.

«Гражданин» будет окружен непреодолимым предубеждением. Либеральная печать утверждала, что работа в этом журнале марает политическую и человеческую репутацию Достоевского. Однако автор романа «Бесы» должен был задаться вопросом: почему, вслед за многими декабристами, он должен держаться идеи физического уничтожения императорского дома Романовых? почему, вслед за нигилистами-нечаевцами, он должен желать и ждать крушения самодержавного строя?

«Гражданин» станут ругать, не глядя и не читая; «партия прогресса» признает постыдным само упоминание «ретроградного» издания и будет порочить всякого, кто окажется причастным к кругу его авторов и читателей. Ведь образованное общество, на которое уповал Достоевский в начале 1860-х, в середине 1870-х уже было приучено трактовать понятия «верноподданный» и «законопослушный» как постыдные и позорные.

В «Гражданине» Достоевский испробует новый жанр — «Дневник писателя», через который захочет говорить с русским читателем без посредников. Объявления о подписке были лаконичными, сдержанными, сугубо служебными: странно было бы ему после «Бесов» выступать с заявлением, **как он понимает текущее время и текущий момент общественной жизни.**

«Это не журнал, а именно Дневник: все статьи будут написаны Ф.М. Достоевским» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 41], — стояло в «Объявлении о подписке» на «Дневник писателя» 1881 года.

Приведу совсем крохотное «Объявление “От редакции”», которое было опубликовано в журнале «Гражданин» за 1874 год (№ 9, 4 марта) [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 290].

«Рисунок памятника Екатерины II готов; он должен пройти через цензуру, что, вероятно, задержит его доставление подписчикам до конца марта или начала апреля. Рисунок будет доставлен *всем годовым подписчикам*».

Что вмещало это сверхмалое, всего три с половиной строки, объявление?

Во-первых, «Гражданин» информировал своих подписчиков о том, что 6 декабря 1873 года в Санкт-Петербурге, в сквере напротив Александринского театра и Публичной библиотеки, был торжественно открыт величественный бронзовый памятник императрице Екатерине Великой. Открытие памятника прошло в присутствии царской семьи.

У основания памятника расположились фигуры видных деятелей России: Петра Румянцева-Задунайского, Григория Потемкина, Алексея Орлова-Чесменского, Александра Суворова и многих других. На основании памятника читалась надпись:

Императрице Екатерине II в царствование Александра II

Провинциальные подписчики «Гражданина» просили редакцию столичного журнала показать какое-нибудь изображение памятника. Им был обещан рисунок. И вот издатель сообщал, что рисунок готов и как только он пройдет цензуру, его воспроизведут на страницах журнала, предположительно в апрельских номерах.

Но в апреле 1874 года Ф.М. Достоевский, «по расстроенному здоровью», сложил с себя обязанности редактора «Гражданина» и в середине мая уехал с семьей в Старую Руссу.

Как выглядел рисунок, кто его изготовил, каковым было цензурное решение, появился ли рисунок на страницах журнала «Гражданин» — эти вопросы могут стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Григорович, 1961 — *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1961. 215 с.
2. Достоевский, 1860 — *Достоевский Ф.М.* Сочинения Ф.М. Достоевского. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1860. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 420 с.
3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Загидуллина, 2008 — *Загидуллина М.В.* Зубоскал // Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник / науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 213–214.
5. Западов, 1979 — *Западов В.А.* Русская литература XVIII века, 1770–1775. Хрестоматия. М.: Просвещение, 1979. 447 с.
6. Ковалевский, 1912 — *Ковалевский П.М.* Встречи на жизненном пути. Николай Алексеевич Некрасов // *Ковалевский П.М.* Стихи и воспоминания. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. С. 269–300.
7. Литературный архив, 1961 — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественности: в 6 т. / под ред: С.Д. Балухатого, Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. М.; Л.: АН СССР, 1961. Т. 6. 482 с.
8. Минасян, 2016 — Минасян А.А. Журнал Екатерины Великой «Всякая всячина» как инструмент просвещения общества и формирования общественного мнения // Евразийский научный журнал. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ekateriny-velikoy-vsyakaya-vsyachina-kak-instrumentprosvescheniya-obschestva-i-formirovaniya-obshchestvennogo-mneniya> (дата обращения: 12.03.2026).
9. Нечаева, 1972 — *Нечаева В.И.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 319 с.
10. «Объявления редакции “Современника”», 1846–1847 — Объявления редакции «Современника» 1846–1847 гг. URL: <https://nekrasov.kostromka.ru/nekrasov/public/izdatelskaya-deyatelnost/obyavleniya-sovremennika-1846-1847.htm> (дата обращения: 02.03.2026).
11. Пушкин, 1936 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. 4-е изд. / под общ. ред. С.М. Бонди, И.К. Луппола, Б.В. Томашевского и М.А. Цявловского. М.: Худож. лит., 1936.
12. Пушкин, 1978 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. 544 с.
13. Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, 2024 — Пушкинская речь Ф.М. Достоевского как историческое событие / сост. В.А. Викторович. М.: Альма Матер, 2024. 922 с.
14. Сараскина, 2011 — *Сараскина Л.И.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с.
15. Страхов, 1883 — *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. С. 179–332.
16. Ткачев, 1940 — *Ткачев П.Н.* Издательская и литературная деятельность Г.Е. Благосветлова // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественности / под ред Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 222–237.

References

1. Grigorovich, D.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Reminiscences]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. 215 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Sochineniia F.M. Dostoevskogo* [Works of F.M. Dostoevsky], vol. 1. Moscow, Tip. Lazarevskago instituta vostochnykh iazykov Publ., 1860. 544 p.; vol. 2. 420 p. (In Russ.)
3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Zagidullina, M.V. “Zuboskal” [“Zuboskal”]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: sochineniia, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents. A Reference Dictionary]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 213–214. (In Russ.)
5. Zapadov, V.A. *Russkaia literatura XVIII veka, 1770–1775. Khrestomatiia* [Russian Literature of the 18th Century, 1770–1775. An Anthology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 447 p. (In Russ.)
6. Kovalevskii, P.M. “Vstrechi na zhiznennom puti. Nikolai Alekseevich Nekrasov” [“Encounters along Life's Path. Nikolai Alekseevich Nekrasov”]. *Stikhi i vospominaniia* [Poems and Reminiscences]. St. Petersburg, Tip. t-va “Obshchestv. pol'za” Publ., 1912, pp. 269–300. (In Russ.)
7. Balukhatyi, S.D., Piskunov, N.K. and O.V. Tsekhovnitser, eds. *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennosti: v 6 tomakh* [Literary Archive. Materials on the History of Literature and Public Life: in 6 vols], vol. 6. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1938–1961, 1961. 482 p. (In Russ.)
8. Minasian, A.A. “Zhurnal Ekateriny Velikoi ‘Vsiakaia vsiachina’ kak instrument prosveshcheniia obshchestva i formirovaniia obshchestvennogo mneniia” [“Catherine the Great's Journal *Vsiakaia vsiachina* as an Instrument for Enlightening Society and Shaping Public Opinion”]. *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal*, 2016. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnal-ekateriny-velikoy-vsyakaya-vsiachina-kak-instrumentprosveshcheniya-obshchestva-i-formirovaniya-obshchestvennogo-mneniya> (accessed 12 March 2026). (In Russ.)
9. Nechaeva, V.I. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh “Vremia”. 1861–1863* [M.M. and F.M. Dostoevsky's Journal *Vremia*. 1861–1863]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 319 p. (In Russ.)
10. “Ob”iavleniia redaktsii ‘Sovremennika’ 1846–1847 gg.” [“Editorial Announcements of *Sovremennik* 1846–1847”]. Available at: <https://nekrasov.kostromka.ru/nekrasov/public/izdatelskaya-deyatelnost/obyavleniya-sovremennika-1846-1847.htm> (accessed 2 March 2026). (In Russ.)
11. Pushkin, A.S. “<Ob odnom liubitele otechestvennoi literatury>” [“<On One Admirer of Russian Literature>”]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Complete Works: in 6 vols], vol. 6: Kritika. Istoriia. Avtobiografiia. Neizdannoe i chernovoe [Criticism. History. Autobiography. Unpublished and Draft Materials]. 4th Ed. Edited by S.M. Bondi, I.K. Luppel, B.V. Tomashevskii, and M.A. Tsavlovskii. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1936, pp. 49–51. (In Russ.)
12. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 vols], vol. 7: Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]. 4th Ed. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 544 p. (In Russ.)
13. Viktorovich, V.A., comp. *Pushkinskaia rech' F.M. Dostoevskogo kak istoricheskoe sobytie* [F.M. Dostoevsky's Pushkin Speech as a Historical Event]. Moscow, Al'ma Mater Publ., 2024. 922 p. (In Russ.)

14. Saraskina, L.I. *Dostoevskii [Dostoevsky]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)
15. Strakhov, N.N. "Vospominaniia o Fedore Mikhailoviche Dostoevskom" ["Reminiscences of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky"]. *Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F.M. Dostoevskogo [Biography, Letters and Notes from F.M. Dostoevsky's Notebook]*. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina Publ., 1883, pp. 179–332. (In Russ.)
16. Tkachev, P.N. "Izdatel'skaia i literaturnaia deiatel'nost' G.E. Blagosvetlova" ["The Publishing and Literary Activity of G.E. Blagosvetlov"]. Piksarov, N.K., and O.V. Tsekhovnitser, eds. *Shestidesiatye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennosti [The Sixties. Materials on the History of Literature and Public Life]*. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1940, pp. 222–237. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026
Одобрена после рецензирования: 02.04.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 26 Mar. 2026
Approved after reviewing: 02 Apr. 2026
Date of publication: 25 June 2026